

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя жалобы К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе К. от 29 сентября 2020 года (вх. № ... от 14.10.2020) в отношении адвоката М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы),

установил:

Квалификационная комиссия 20 января 2021 года вынесла Заключение, в соответствии с которым адвокатом М. совершены:

- нарушение п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что адвокат М., имея с 31 января 2017 года приостановленный статус адвоката, оказывал доверителю К. с 15 марта 2019 года юридическую помощь по трем гражданским делам, находившимся на рассмотрении Н. районного суда города Москвы;

- нарушение п. 2 и 3 ст. 5, п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат М., считая, что в действиях его доверителя К. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу в суде лицом, участвующим в деле), подал 21 мая 2019 года в Н. районный суд города Москвы и 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ заявления о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу.

Одновременно с этим в Заключении Квалификационной комиссии указано на необходимость прекращения дисциплинарного производства: в части выдвинутого дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. угрожал, что в случае, если К. не откажется от исковых требований о взыскании денежных средств по договору займа (гражданское дело № ...) и не выплатит адвокату М. ... (...) рублей, то адвокат М. обратится в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства, в

оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель жалобы К. в заседании Совета сообщил, что Заключение Квалификационной комиссии получил и с ним полностью согласен. Считает нарушения, допущенные адвокатом М., злостными, и поэтому он не должен оставаться в адвокатуре.

Адвокат М., извещённый надлежащим образом и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, направил в Совет ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие (вх. № ... от 25.02.2021). Совет, принимая во внимание вышеизложенные обстоятельства, с учётом требований п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающего, что неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует разбирательству и принятию решения, рассмотрел дисциплинарное производство в отношении адвоката М. в его отсутствие.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, заслушав явившихся участников, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и её выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, в результате рассмотрения дисциплинарного производства установлено, что статус адвоката М. был приостановлен с 31 января 2017 года Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 10 марта 2017 года № ... и до настоящего времени не возобновлялся, что подтверждается указанным Решением Совета, уведомлением Президента Адвокатской палаты города Москвы Полякова И.А. от 10 марта 2017 года № ... о приостановлении статуса адвоката М., направленным, в том числе и самому адвокату М., который не отрицает ни факт приостановления статуса адвоката с указанной выше даты, ни факт своей осведомлённости об этом.

Несмотря на это, адвокат М., вопреки прямому законодательному запрету, 28 марта 2019 года заключил с К. Соглашение об оказании юридических услуг без номера, предметом которого в п. 1 данного Соглашения указано обязательство адвоката М. представлять интересы истца К. в Н. районном суде города Москвы и при необходимости в Московском городском суде по гражданскому делу о взыскании долга по договору займа. Согласно п. 2 того же Соглашения адвокат М. обязался подготовить и подать исковое заявление, подготовить запросы «в финансовые учреждения, а также в регистрирующие органы о наличии у истца и ответчика недвижимого имущества», подготовить ходатайства об обеспечении иска. Также данным пунктом предусмотрено, что в обязанности адвоката М. входит: «грамотная защита интересов истца и аргументированное разрушение доводов ответчика; в случае обращения сторон по делу в вышестоящие судебные инстанции выполнение в полном объеме работы по делу в этих инстанциях». Вознаграждение адвоката М. определено сторонами Соглашения в размере 10 процентов от суммы фактически взысканных в пользу К. денежных

средств и имущества в рамках гражданского дела (п. 3 Соглашения). Аналогичное вознаграждение должно быть выплачено К. адвокату М. в случае «вынужденного заключения К. с клиентом мирового соглашения под неумолимым юридическим воздействием юриста». При этом в тексте Соглашения отсутствует указание на наличие у М. статуса адвоката.

Вместе с тем, ещё до заключения Соглашения об оказании юридических услуг от 28 марта 2019 года адвокат М. оформил ордер от 15 марта 2019 года № 9, в котором указал, что ему, как адвокату, поручается с 15 марта 2019 года представлять интересы К. в Н. районном суде города Москвы по гражданскому делу о расторжении брака и разделе имущества, основанием для выдачи ордера указал Соглашение от 14 марта 2019 года. На ордере стоит подпись адвоката М. и печать Адвокатского кабинета «...». По утверждению представителя К. – адвоката З., данный ордер был представлен адвокатом М. в материалы гражданского дела Н. районного суда города Москвы № ... по иску К. к К. Соглашение об оказании юридической помощи от 14 марта 2019 года в материалы дисциплинарного производства не представлено. 17 марта 2019 года адвокат М. получил от К. аванс в размере ... (...) рублей за оказание юридических услуг по гражданскому делу о расторжении брака и разделе имущества с К., что подтверждается его собственноручной распиской, в которой также указано, что уточненный текст соглашения будет подписан не позднее 22 марта 2019 года. 18 марта 2019 года К. оформил доверенность ..., удостоверенную нотариусом города Москвы С., которой уполномочил М. на представление его интересов в судебных, административных и правоохранительных органах со всеми правами, какие предоставлены законом заявителю, истцу, ответчику, третьему лицу, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому. Распоряжением ... от 30 апреля 2019 года, удостоверенным нотариусом города Москвы С., К. отменил указанную доверенность.

В своих письменных объяснениях без даты и без личной подписи (вх. № ... от 21.10.2020) адвокат М. признал, что он «...оказывал помощь заявителю в разрешении его судебных споров в Н. суде города Москвы». Соглашения с К. он «заключал как частное лицо, работал по нотариальной доверенности от него. Всего соглашений было 3 (три), равно, как и дел в суде – 3 (три). Первое дело: о расторжении его брака и разделе имущества по иску его жены. Второе дело: о взыскании долга по договору займа по иску К. Третье дело: о разделе имущества после расторжения брака по его же иску. 17 марта 2017 года мы впервые встретились, достигли предварительного соглашения по ведению первого дела».

Кроме того, в материалах дисциплинарного производства содержатся сведения о том, что 21 мая 2019 года представитель истца К. – М., не указывая свой адвокатский статус, подал в Н. районный суд города Москвы заявление о фальсификации доказательств в гражданском деле № ... [в 2020 году делу был присвоен № ... – примечание Совета], в котором сообщил суду следующее: «К. поделился со мной, что у него было несколько чистых листов бумаги с подписями жены ... долговую расписку от имени бывшей

жены К. он выполнил с помощью компьютера и принтера путем наложения на чистый лист, содержащий подписи К., текста долговой расписки. Изготовление фальсифицированной расписки было проведено К., с его слов, где-то в середине марта 2019 года.

Я неоднократно предлагал К. немедленно отозвать данный иск о взыскании долга, в основу которого положена сфабрикованная (фальсифицированная) расписка, объяснял ему противоправность и уголовные последствия его действий в этой связи, но жажда наживы в особо крупном размере, видимо, оказалась сильнее.

Считаю, что данная информация поможет более справедливому и объективному рассмотрению данного дела».

На указанном заявлении адвоката М. проставлена отметка экспедиции Н. районного суда города Москвы о его получении 21 мая 2019.

Аналогичное по содержанию заявление было подано адвокатом М. 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ, что подтверждается штампом «Н. МРСО города Москвы» с рукописной записью «с личного приема». Просительная часть этого заявления изложена следующим образом: «Прошу принять оперативные меры реагирования по предотвращению преступления гр. К., предусмотренного ст. 303 УК РФ».

В своих письменных объяснениях адвокат М. указал, что К. ему «проговорился, что договор займа с его женой на самом деле изготовлен им ... с помощью наложения компьютерного текста фиктивного договора на чистые листы бумаги, где имелись подписи его жены ... после настойчивых предложений К отозвать иск по долговой расписке на ... млн. рублей, я обратился в Н. суд с заявлением о выходе из дела в качестве представителя К. по причине сомнительности расписки, а также подал заявление в следственные органы о предупреждении преступления со стороны К.» [цитата из письменных объяснений адвоката М. (вх. № ... от 21.10.2020)].

Совет признаёт изложенные выше фактические обстоятельства достоверно установленными Квалификационной комиссией и отмечает отсутствие каких-либо существенных противоречий в их изложении участниками дисциплинарного производства.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам (далее - доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры. Поступок адвоката, который порочит его честь и достоинство, умаляет авторитет адвокатуры; неисполнение или ненадлежащее исполнение

адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем должны стать предметом рассмотрения соответствующих квалификационной комиссии и Совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, заседания которых проводятся в соответствии с процедурами дисциплинарного производства, предусмотренными Кодексом профессиональной этики адвоката (преамбула и п. 2 ст. 19 Кодекса).

Адвокатская деятельность является многообразной и осуществляется в различных видах, которые могут быть классифицированы следующим образом: консультационная помощь доверителю, составление документов правового характера и выступление в качестве представителя или защитника доверителя в судах, иных государственных органах и организациях, а также коммерческих, некоммерческих организациях и в отношениях с гражданами и их объединениями.

Адвокат, приостановивший свой статус в установленном законом порядке, является лицом, внесенным в региональный реестр адвокатов, чья адвокатская деятельность временно приостановлена.

Приостановление статуса адвоката влечет за собой приостановление действия в отношении данного адвоката гарантий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», за исключением гарантий, предусмотренных пунктом 2 статьи 18 данного Федерального закона. (п. 3 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

В соответствии с п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»:

«Лицо, статус адвоката которого приостановлен, не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а также занимать выборные должности в органах адвокатской палаты или Федеральной палаты адвокатов. Нарушение положений настоящего пункта влечет за собой прекращение статуса адвоката».

Статус адвоката возобновляется по решению совета, принявшего решение о приостановлении статуса адвоката, на основании личного заявления адвоката, статус которого был приостановлен (п. 5 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, на международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности (ст. 1 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Пунктом 1 статьи 3 Кодекса профессиональной этики адвоката предусмотрено, что действие настоящего Кодекса распространяется на адвокатов.

Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии. Необходимость соблюдения правил адвокатской профессии вытекает из факта присвоения статуса адвоката (п. 1, 2 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат не вправе разглашать без согласия доверителя сведения, сообщенные им адвокату в связи с оказанием ему юридической помощи, и использовать их в своих интересах или в интересах третьих лиц. В любой ситуации, в том числе вне профессиональной деятельности, адвокат обязан сохранять честь и достоинство, избегать всего, что могло бы нанести ущерб авторитету адвокатуры или подорвать доверие к ней, при условии, что принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу очевидна или это следует из его поведения (пп.4 п. 1, п. 5 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Из приведённых выше нормативных положений со всей очевидностью следует, что адвокат, приостановивший свой статус, не освобождается от обязанности соблюдать законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. При этом адвокат с приостановленным статусом не вправе заниматься адвокатской деятельностью, и в этот период на него не распространяется действие ряда гарантий, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако обязанности адвоката, включая запреты и ограничения, предусмотренные указанным Федеральным законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, он исполнять обязан. Кроме того, нарушение положений пункта 3.1 статьи 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» является самостоятельным основанием прекращения статуса адвоката советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате (пп. 6 п. 1 ст. 17 того же Федерального закона).

Рассматривая дисциплинарное обвинение, выдвинутое К. в отношении адвоката М., в том, что он, не имея права оказывать квалифицированную юридическую помощь в период, когда его статус адвоката был приостановлен, участвовал в судебном разбирательстве гражданских дел К., чем ввел в заблуждение как К., так и Н. районный суд города Москвы, не сообщив о факте приостановления статуса адвоката, Совет приходит к выводу, что оно нашло свое подтверждение. Адвокат М. с момента приостановления его статуса адвоката 31 января 2017 года и по день рассмотрения настоящего дисциплинарного производства не подавал в Адвокатскую палату города Москвы личное заявление о возобновлении статуса адвоката, решение о возобновлении его адвокатского статуса Советом Адвокатской палаты города Москвы не выносилось, что, в свою очередь, означает, что адвокат М., оказывая К. с 15 марта 2019 года юридическую помощь по трем гражданским делам, находившимся на рассмотрении Н. районного суда города Москвы, нарушил положение п. 3.1.

ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Рассматривая действия адвоката М., выразившиеся в подаче в Н. районный суд города Москвы 21 мая 2019 года и в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ 21 августа 2019 года письменных заявлений о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу, Совет, сопоставляя действия адвоката М. с приведёнными выше требованиями Кодекса профессиональной этики адвоката, а также Разъяснения Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее ФПА РФ) по этике и стандартам № ... по вопросу допустимости обращения адвокатов в правоохранительные органы, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 17 апреля 2019 года, и Разъяснения Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 июня 2017 года № ... по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях, утвержденного Решением Совета ФПА РФ от 28 июня 2017 года, расценивает указанные действия адвоката М. как недопустимые и направленные на подрыв доверия к адвокатуре.

Так, в Разъяснении Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам от 28 июня 2017 года № ... по вопросу предания адвокатом огласке сведений о преступлениях или иных правонарушениях, утвержденном Решением Совета ФПА РФ от 28 июня 2017 года, указано:

«1. ...При оказании доверителю юридической помощи адвокат становится обладателем конфиденциальной информации. Такая информация может касаться как непосредственно предмета поручения, так и иных аспектов жизни или деятельности доверителей и (или) связанных с ними лиц. Как поверенный, допущенный к конфиденциальной информации, адвокат может стать носителем сведений, которые могут определяться как свидетельствующие о том, что доверителем или связанными с ним лицами в прошлом было совершено преступление или иное правонарушение. Доверительные отношения с лицом, которому адвокатом оказывается юридическая помощь, имеют приоритет перед не свойственными институту адвокатуры задачами.

Предание адвокатом таких сведений огласке без согласия доверителя, в том числе путем их опубликования или путем обращения в правоохранительные органы, недопустимо ни при каких обстоятельствах. Данное правило касается сведений о любых совершенных доверителем адвоката или связанных с ним лицами преступлениях или правонарушениях, полученных адвокатом в связи с осуществлением им адвокатской деятельности. При этом не имеет значения, была указанная информация связана с предметом поручения или нет; доверена она адвокату доверителем или получена адвокатом самостоятельно; касается она непосредственно доверителя или связанных с ним лиц.

Действия адвоката по преданию таких сведений огласке, в том числе посредством публичных выступлений адвоката, их публикации, обращения в

правоохранительные органы направлены к подрыву доверия к адвокату и являются тяжким дисциплинарным проступком.

2. Кроме того, Кодекс профессиональной этики адвоката предусматривает, что доверия к адвокату не может быть без уверенности в сохранении профессиональной тайны (пункт 1 статьи 6). Профессиональная тайна адвоката (адвокатская тайна) обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката.

В связи с этим предание огласке адвокатом полученных им в связи с осуществлением адвокатской деятельности сведений является нарушением законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката в части обязанности по сохранению адвокатской тайны.

В качестве исключения из данного правила Кодекс профессиональной этики адвоката предусматривает право адвоката использовать без согласия доверителя сообщенные ему сведения в объеме, который адвокат считает разумно необходимым для обоснования своей позиции при рассмотрении гражданского спора между ним и доверителем или для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству или уголовному делу. К иным исключениям могут быть отнесены ситуации, по отношению к которым международными актами и федеральным законодательством установлен особый правовой режим с учетом требований соблюдения адвокатской тайны.

В остальных случаях действия адвоката по преданию огласке сведений, составляющих адвокатскую тайну, в том числе посредством публичных выступлений адвоката, их публикации, обращения в правоохранительные органы, могут быть квалифицированы как тяжкий дисциплинарный проступок».

Указанные Разъяснения приняты Комиссией ФПА РФ по этике и стандартам и утверждены Советом ФПА РФ в пределах их компетенции, и их соблюдение является обязанностью адвоката, предусмотренной пп. 4 п. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 6 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу о нарушении адвокатом М. п.п. 2 и 3 ст. 5, п.п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в том, что адвокат М., считая, что в действиях его доверителя К. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу в суде лицом, участвующим в деле), подал 21 мая 2019 года в Н. районный суд города Москвы и 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ заявления о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката М. за совершённые нарушения, Совет, прежде всего, руководствуется приведённым выше положением пп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым нарушение пункта 3.1 статьи 16 того же Федерального закона является самостоятельным основанием прекращения статуса адвоката советом адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате. При этом прекращение статуса по данному основанию даже не требует проведения дисциплинарного разбирательства в отношении адвоката. Тем не менее, Совет, как и Квалификационная комиссия, признал необходимым рассмотреть все выдвинутые против адвоката М. дисциплинарные обвинения в процедуре дисциплинарного производства, обеспечив тем самым полное соблюдение всех гарантий и прав адвоката М., в том числе и как участника дисциплинарного производства, на справедливое разбирательство.

Признавая презумпцию добросовестности адвоката М. опровергнутой в отношении указанных выше дисциплинарных обвинений, Совет принимает во внимание умышленный и грубый характер совершённых адвокатом М. нарушений и отмечает, что его действия, выразившиеся как в оказании доверителю юридической помощи с приостановленным статусом адвоката, то есть, в нарушение прямого законодательного запрета, так и в предании огласке сведений, полученных от доверителя в процессе оказания ему юридической помощи, в том числе, посредством обращения в суд и в правоохранительные органы, посягают на принцип доверительности (фидуциарности) отношений адвоката и доверителя, являющийся основой адвокатской деятельности. Такие действия адвоката М. направлены и ведут к подрыву доверия к адвокатуре как институту гражданского общества как со стороны лиц, обращающихся к адвокатам за квалифицированной юридической помощью, так и со стороны государства, которое наделило адвокатов правом создать публично-правовую корпорацию, основанную на принципах законности, независимости, самоуправления, корпоративности, и предоставило адвокатам широкие права как гарантию их независимости в выполнении основной профессиональной функции – оказывать физическим и юридическим лицам квалифицированную юридическую помощь способами, не противоречащими закону.

Учитывая совокупность указанных обстоятельств, Совет приходит к выводу о несовместимости профессионального поведения адвоката М. с принадлежностью к адвокатскому сообществу и, следовательно, о необходимости применения к нему меры дисциплинарной ответственности в виде **прекращения статуса адвоката**. Применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет считает невозможным как в силу императивных требований п. 3.1 ст. 16 и пп.6 п.1 ст. 17 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», так и по той причине, что это давало бы основание считать подобное поведение допустимым для адвоката.

В соответствии с п 2. ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об адвокате ..., на основании заключения квалификационной комиссии при:

1) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем;

2) нарушении адвокатом норм Кодекса профессиональной этики адвоката;

2.1) незаконном использовании и (или) разглашении информации, связанной с оказанием адвокатом квалифицированной юридической помощи своему доверителю, либо систематическом несоблюдении установленных законодательством Российской Федерации требований к адвокатскому запросу;

3) неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с пунктом 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого М. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все вышеуказанные обстоятельства, а также отсутствие каких-либо признаков осознания адвокатом М. тяжести совершённых им нарушений, считает необходимым применить в отношении него максимальный размер данного срока - 5 (пять) лет.

Одновременно Совет соглашается с Квалификационной комиссией о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части, касающейся дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. угрожал, что в случае, если К. не откажется от исковых требований о взыскании денежных средств по договору займа (гражданское дело № ...) и не выплатит адвокату М. ... (...) рублей, то адвокат М. обратится в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела. Оценка этого дисциплинарного обвинения находится вне компетенции органов адвокатского самоуправления, поскольку адвокатская палата субъекта Российской Федерации и ее органы не уполномочены федеральным законодательством делать выводы о наличии в поведении адвоката признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния или административного правонарушения возможно лишь в порядке, предусмотренном соответствующим законодательством. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается Уголовно-

процессуальным кодексом (УПК) РФ и является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства (ч. 1 и 2 ст. 1 УПК РФ). Следовательно, вопрос о наличии в действиях (бездействии) адвоката М. признаков уголовно наказуемого деяния может быть решен только в порядке, определенном УПК РФ, а дисциплинарное обвинение, выдвинутое заявителем К. в этой части, является недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

Совет также соглашается с Квалификационной комиссией о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Так, в части доводов жалобы К. о том, что адвокат М., получив от К. денежные средства в качестве аванса в размере ... рублей, не выдал ему кассовый чек, ограничившись лишь выдачей расписки от 17 марта 2019 года, Совет отмечает, что адвокат М., приостановив статус адвоката, был не вправе осуществлять адвокатскую деятельность, а потому не мог и оформить в установленном порядке кассовый чек или иной финансовый документ, подтверждающий получение им от доверителя К. денежных средств в качестве вознаграждения за оказание ему юридической помощи, и не мог внести их на расчетный счет или в кассу адвокатского образования. Следовательно, адвокат М. был не вправе в период приостановления статуса адвоката как оказывать доверителю К. юридическую помощь, так и получать от него денежное вознаграждение. По этой причине допущенное адвокатом М. нарушение в этой части полностью охватывается п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и дополнительной оценки по ст. 25 этого же закона не требует.

Кроме того, адвокат М. не признал претензии К. в том, что он без ведома К. и в его отсутствие отказался от встречного иска и подал новый встречный иск, который не был принят судом. Возражая против этого дисциплинарного обвинения, адвокат М. представил в материалы дисциплинарного производства световую копию заявления К. от 22 марта 2019 года в Н. районный суд города Москвы об отказе от встречного иска. Следовательно, презумпция добросовестности адвоката М. в этой части осталась непровергнутой.

К аналогичному выводу Совет приходит и при оценке претензий К. в том, что адвокат М. не вернул ему оригиналы заграничных паспортов, банковских документов и доверенности. Адвокат М. отрицает нахождение у него этих документов, а заявитель К. не представил достоверных и достаточных доказательств того, что эти документы были переданы адвокату М. и находятся у него.

На основании изложенного, руководствуясь п. 3.1 ст. 16, пп. 6 п. 1 и пп. 1, 2, 2.1, 3 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 3 п. 6 и п. 7 ст. 18, пп. 1, 2, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

1. Применить к адвокату М. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) меру дисциплинарной ответственности в виде **прекращения статуса адвоката** за:

- нарушение п. 3.1. ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившееся в том, что адвокат М., имея с 31 января 2017 года приостановленный статус адвоката, оказывал доверителю К. с 15 марта 2019 года юридическую помощь по трем гражданским делам, находившимся на рассмотрении Н. районного суда города Москвы;

- нарушение п. 2 и 3 ст. 5, п.п. 1, 2, 3, 4, 5, 6 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что адвокат М., считая, что в действиях его доверителя К. содержатся признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по гражданскому делу в суде лицом, участвующим в деле), подал 21 мая 2019 года в Н. районный суд города Москвы и 21 августа 2019 года в Н. межрайонный следственный отдел Следственного комитета РФ заявления о фальсификации К. доказательств по гражданскому делу.

Установить в отношении М. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в **5 (пять) лет**.

2. Прекратить дисциплинарное производство, возбуждённое в отношении адвоката М. по жалобе К. от 29 сентября 2020 года (вх. № ... от 14.10.2020):

в части, касающейся дисциплинарного обвинения в том, что адвокат М. угрожал, что в случае, если К. не откажется от исковых требований о взыскании денежных средств по договору займа (гражданское дело № ...) и не выплатит адвокату М. ... (...) рублей, то адвокат М. обратится в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела, - вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

в оставшейся части - вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков